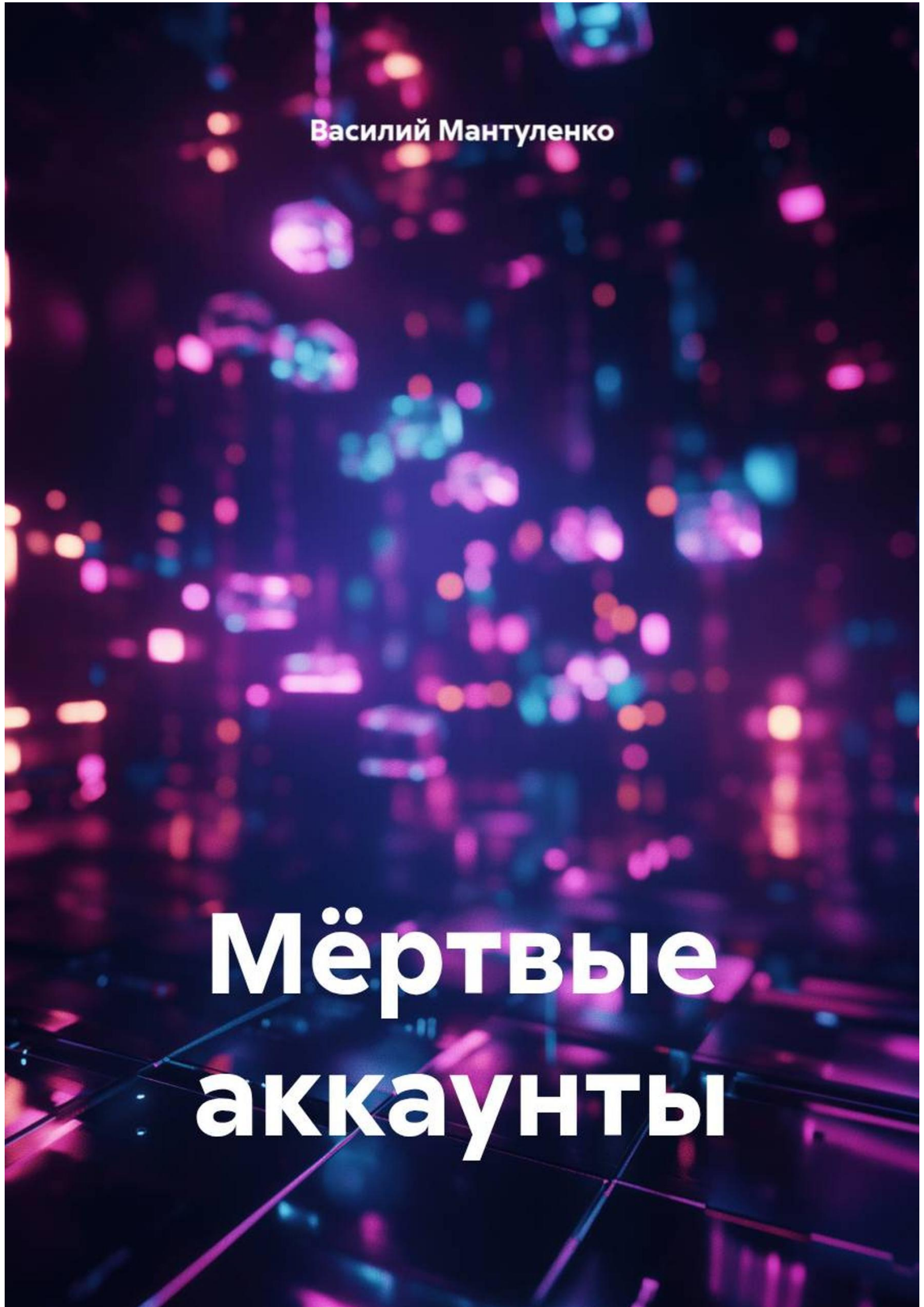

Василий Мантуленко

Мёртвые аккаунты

Василий Мантуленко

Мёртвые аккаунты

«Автор»

2026

Мантуленко В.

Мёртвые аккаунты / В. Мантуленко — «Автор», 2026

Мёртвые аккаунты А что, если гоголевский Чичиков жил бы сегодня — и вместо ревизских душ скупал бы по стране заброшенные цифровые профили? Павел Иванович Загринов приезжает в губернский город N. с виду по самому что ни на есть деловому поводу — «аудит и консолидация неактивных цифровых активов». На деле же он собирает гигантскую коллекцию «мёртвых» аккаунтов: уволенных сотрудников, обанкротившихся фирм, забытых профилей каршеринга и криптокошельков — чтобы заложить эту цифровую пустоту в банк под кредит и раствориться в тёплых краях. На его пути — целая галерея характеров, до боли узнаваемых: IT-директор, влюблённый в дашборды больше, чем в людей; хозяйка автопарка, боящаяся мошенников; токсично-позитивный тимлид стартапа; въедливый комплаенс-менеджер; одинокий владелец дата-центра, копящий терабайты чужих ненужных жизней. Но по следу мошенника уже идёт молодая журналистка, ведущая блог о цифровой безопасности, — и стройная схема начинает трещать по швам.

© Мантуленко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	6
Глава первая. Приезд	7
Глава вторая. Тряпичкина	9
Глава третья. Мануйлов	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Василий Мантуленко

Мёртвые аккаунты

МЁРТВЫЕ АККАУНТЫ

Роман в гоголевском духе

Содержание

Глава первая. Приезд

В губернский город N., что расположился на слиянии двух больших рек и одной кольцевой автодороги, въехал однажды кроссовер немецкой марки — не новый, но и не старый, вымытый, впрочем, тщательно, будто хозяин его придавал чистоте кузова значение едва ли не большее, чем чистоте совести. За рулём сидел господин лет тридцати пяти, приятной наружности, не толстый, не тонкий, но, как говорится, в самом соку, — Павел Иванович Загринов.

Приехал он не по казённой надобности и не в отпуск, а, как было означено в договоре с неким инвестиционным фондом «Прогресс-Капитал», для «аудита и консолидации неактивных цифровых активов региона». Формулировка эта обладала тем редким свойством канцелярского языка, что чем дольше в неё вчитывались, тем меньше в ней понимали, — и оттого чиновники местной администрации, получившие соответствующее письмо, читали его трижды, кивали важно и откладывали в папку «На исполнение», не задав ни единого вопроса. Ибо давно уже в присутственных местах наших взяли за правило: то, что звучит достаточно длинно и достаточно скучно, непременно должно быть законно.

Прежде чем приступить к дальнейшему повествованию, автор считает нужным сказать несколько слов о наружности и привычках своего героя, дабы читатель не составил себе о нём представления превратного. Павел Иванович не был злодеем в том романтическом смысле, в каком принято изображать злодеев в кинематографе, — с холодным взглядом и жестокой усмешкой. Он был человек скорее приятный, даже застенчивый в мелочах: стеснялся громко смеяться в общественных местах, аккуратно складывал салфетку после еды, помнил дни рождения троюродных племянников и никогда не забывал поздравить бывших однокурсников в социальных сетях коротким, но тёплым сообщением. Одним словом, это был человек, из тех, о ком соседи говорят: «Такой приличный молодой человек», — и лишь очень немногие способны различить, что именно приличие это, доведённое до автоматизма, и является тем самым фасадом, за которым удобнее всего прятать дела совсем не приличные.

Остановился Павел Иванович в гостинице «Бизнес-Атлант» — заведении, где за завтраком подавали произведённый неизвестно где сыр, а вай-фай не работал ровно в те часы, когда был нужнее всего, зато администратор на ресепшене неизменно желала «продуктивного дня» с таким казённым воодушевлением, что хотелось немедленно лечь спать обратно. Едва распаковав чемодан, наш герой раскрыл ноутбук и, поглядев на список из тридцати семи имён — директоров, тимлидов, менеджеров и просто заметных людей города, — вздохнул с тем особым удовлетворением, с каким рыболов вздыхает, завидев пруд, богатый рыбой, но давно не чищенный от ила.

Ибо ил этот — миллионы «мёртвых» аккаунтов: заброшенные страницы уволенных сотрудников, забытые кошельки в криптобиржах, аккаунты каршеринга умерших бабушек, чьи внуки так и не удосужились их закрыть, профили стажёров, отчисленных студентов, разорившихся ИП, — представлял собой, по расчётам Павла Ивановича, капитал совершенно неучтённый и оттого баснословно ценный. План был прост, как всё гениальное и всё мошенническое одновременно: скупить эти цифровые «души» по дешёвке у их растерянных или равнодушных владельцев, оформить их как активы под управлением фиктивного консорциума и заложить пакетом в банк — под кредит, которого хватило бы на безбедную жизнь где-нибудь в тёплых краях, где о законах Российской Федерации знают понаслышке, а о законе Ома и вовсе не слыхивали.

Схема эта родилась у Загринова не вдруг. Три года служил он в отделе цифровой трансформации крупного банка, где насмотрелся на то, с какой лёгкостью списываются миллиарды на «оптимизацию» и «цифровизацию», покуда никто толком не может объяснить, куда именно эти миллиарды делись; и в один прекрасный день, глядя на отчёт об очередном списании трид-

цати тысяч «неактивных клиентских профилей», он вдруг подумал: а ведь эти профили — не пустое место. Это чьи-то данные, чьи-то согласия, чья-то, если угодно, цифровая биография, которая исчезает бесследно, будто её и не было. И если банк готов эти профили списать как убыток — не значит ли это, что для кого-то другого они могут стать активом?

Мысль эта, поначалу невинная, подобно тому, как невинны бывают первые мысли всех великих афер, постепенно обросла подробностями, расчётами, юридическими лазейками — и превратилась в план, который Загиров, не без некоторого самолюбования, называл про себя «Проектом Ковчег»: он собирал цифровые души, как некогда собирали пары животных перед потопом, только с той разницей, что спасти он намеревался не их, а себя самого — и притом за их же счёт.

Автор здесь спешит уверить читателя, что не намерен ни оправдывать своего героя, ни выставить его каким-то исключительным злодеем. Явление это — увы! — самое обыкновенное, и не приведи Бог кому из читающих узнать в Павле Ивановиче знакомые черты собственного менеджера по продажам, а то и, чего доброго, собственные.

Глава вторая. Тряпичкина

Пока Загринов распаковывал чемодан в «Бизнес-Атланте», в другом конце города, в квартире-студии над кофейней «Зёрна и Смыслы», сидела за ноутбуком женщина лет двадцати восьми, худощавая, с растрёпанным пучком волос и взглядом человека, который слишком много читает договоров оферты перед сном. Звали её Вера Игнатьевна Тряпичкина, и вела она в интернете канал под названием «Цифровая Гигиена» — двенадцать тысяч подписчиков, для губернского города число немалое, — где разбирала утечки данных, мошеннические схемы и, как она сама выражалась, «санитарию информационного пространства».

Именно Вера Игнатьевна была тем самым человеком, который тремя днями ранее заметил в реестре юридических лиц нечто странное: фонд «Прогресс-Капитал», от имени которого рассылались письма о «консолидации цифровых активов», был зарегистрирован полтора месяца назад, имел уставный капитал в десять тысяч рублей и директором значилось лицо, которое, судя по всем открытым базам, ещё три года назад числилось студентом заочного отделения и никакого отношения к финансам не имело.

— Странно, — сказала она вслух, ни к кому не обращаясь, кроме кота по имени Отчёт, дремавшего на клавиатуре. — Очень странно.

Вера Игнатьевна не была ни детективом, ни журналистом в классическом смысле — диплом у неё был по специальности «информационная безопасность», а известность в узких кругах она приобрела после того, как разоблачила три финансовые пирамиды, замаскированные под инвестиционные клубы, и одну секту, торговавшую курсами «энергетического кодирования криптокошельков». Работала она добросовестно, методично, и притом обладала тем редким качеством, которое сам Загринов не учёл в своих расчётах: упрямством человека, не способного оставить непонятное непонятым.

Она открыла таблицу, куда заносила все имена, всплывавшие в связи с «Прогресс-Капиталом», и завела новую строку: «Загринов П. И. — представитель. Требуется проверки».

(Автор просит читателя запомнить эту скромную строку в скромной таблице — ибо именно из таких строк, как из мелких притоков, складываются в конце концов полноводные реки правосудия, а иногда, чего уж греха таить, и полноводные реки читательского злорадства.)

Глава третья. Мануйлов

Первым в списке значился некто Аркадий Петрович Мануйлов, IT-директор крупного холдинга «Регион-Логистика», о котором в городе говорили не иначе как о человеке «прогрессивном» и «клиентоориентированном». Загринов позвонил ему с утра, и уже через час сидел в переговорной, обставленной с тем безвкусным избытком удобства, какой отличает офисы людей, желающих казаться современными: тут были и подушки с логотипом компании, и кофемашина с двенадцати кнопках, и большой экран, на котором беспрестанно мигали графики — все зелёные, все растущие, все, как выяснилось позже, никем толком не читаемые.

Мануйлов встретил гостя с распростёртыми объятиями — в переносном, разумеется, смысле, ибо в прямом он давно уже никого не обнимал, полагая рукопожатия и объятия «легаси-практиками недостаточно масштабируемого нетворкинга».

— Вы не поверите, — говорил он, разливая кофе из машины в чашечки не больше напёрстка, — у нас тут накопилось этих неактивных профилей — страсть! Люди уходят, а аккаунты в CRM висят, в Slack висят, в корпоративном мессенджере висят. Я как посмотрю на дашборд — сердце кровью обливается: показатель engagement падает, а ведь можно было бы это всё... оптимизировать.

При слове «оптимизировать» глаза его — маленькие, впрочем, довольно добрые — заблестели тем особенным блеском, каким блестят глаза человека, влюблённого не в дело своё, а в самое слово о деле. Мануйлов повёл гостя по офису, показывая на ходу открытые пространства, где сотрудники сидели в наушниках, не глядя друг на друга, стену с плакатом «Мы — одна команда!», под которым не было ни единой подписи от руки, ни единого живого следа человеческого присутствия, и наконец кабинет, где на отдельном экране красовалась главная гордость Мануйлова — дашборд «Здоровье цифровой экосистемы компании», состоявший из семнадцати графиков, из которых, как выяснилось при ближайшем знакомстве, актуальными были только три, а остальные показывали данные годичной давности, потому что «настройка интеграции немного зависла».

— А это кто? — спросил Загринов, указывая на фотографию улыбающегося молодого человека на «Доске почёта месяца», висевшей у входа в опенспейс.

— А, это... — Мануйлов на секунду замаялся, будто вспоминая. — Это Серёжа, кажется. Или Стёпа. Уволился месяца три назад. Хороший был парень, дашборды хорошо чистил. Фотографию просто забыли снять.

Эта незначительная деталь — забытая фотография уволенного сотрудника, чьё имя не смог вспомнить собственный директор, — произвела на Загринова впечатление странное: на мгновение ему сделалось не по себе, будто он увидел в этом зеркало собственного будущего, ведь и его самого, по всей вероятности, кто-нибудь когда-нибудь так же не вспомнит с первого раза. Но чувство это, едва возникнув, было тут же подавлено деловым соображением, и Загринов вернулся к разговору о цифрах.

Он показал Мануйлову подготовленный заранее «Меморандум о взаимной цифровой ответственности» — документ на восемнадцати страницах, составленный языком настолько тяжеловесным, что сам автор его, читая вслух, дважды сбивался и начинал заново, — и Мануйлов, пролистав документ по диагонали, привычным жестом человека, подписывающего десятки бумаг на дню, поставил закорючку внизу последней страницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.